

КОДУМАА

Лариса
Йоонас

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Лариса Йоонас

Кодумаа

НП «Центр современной литературы»

Йоонас Л.

Кодумаа / Л. Йоонас — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-197-3

Стихотворения Ларисы Йоонас можно смело назвать когнитивными. Это тексты, которые живут по своим, особенным, техническим и билингвистическим законам и, кажется, не подчиняются ни времени, ни пространству, ни смерти, ни человеческим страстям. И в то же время удивительно, но в центре всего стоят такие важные для каждого понятия как Человек, Любовь, Жизнь, Смерть, Надежда или Природа. ...Природа и Родина (kodumaa — эст.) занимают главное место в лирике автора и, несмотря на то, что «Tundma oma kodumaad» («Узнать свою Родину», — эст.) — единственная в сборнике прямая отсылка к эстонскому языку. Эстонию мы чувствуем осознанно или неосознанно и находим совсем иной, не такой, как она есть на страницах туристических буклетов — статичная, каменная и прохладная. В стихах Ларисы Йоонас Эстония живая, меланхоличная и немножко одинокая.

ISBN 978-5-91627-197-3

© Йоонас Л.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Песни смутных времен	5
«гладкие плети заката...»	5
«Мой странный век, живущий впопыхах...»	6
«волшебное чудо-юдо...»	8
«небо знаменьями полно...»	9
«Существует множество свидетельств...»	10
«кто вышел из этой шинели...»	11
«Положи мне яблоч, похожих на белых мышей...»	12
Гимн провинциалу	13
«когда она спустилась сверху словно огненный шар красна...»	14
«Он давно вернулся с войны...»	15
Дети надежды	16
«Мы в прошлом, дети надежды...»	16
«Есть музыка...»	17
«Все вспоминают, и я помню...»	18
«Какой-то человек шел по улице и вдруг услышал себя...»	19
«умереть не страшно...»	20
«Вот эти, которые пели и голову прямо несли...»	21
«вопреки поляне райской, краю леса вопреки...»	22
«еще блестит начищенная пряжка...»	23
«Нас объединяют мертвые, мы...»	24
«ночью вдруг поняла...»	25
«я люблю любимую страну...»	26
«Все пропитано ибупрофеном...»	27
«Микроскоп человеческих судеб...»	28
«Нет, не дели нас на чистых и не...»	29
Невидимые вещи	30
«Язык – это средство коммуникации...»	30
«Под вечер электрик приходит туда...»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лариса Йоонас Кодумаа

Песни смутных времен

«гладкие плети заката...»

гладкие плети заката
птичек шершавая горсть
не убивайте солдата
он не хозяин а гость

только ошибся порогом
ношу не ту захватил
спутал кривую дорогу
выбился быстро из сил

плещется тьма затаенно
страха холодное дно
плечи давно без погонов
руки отмыты давно

ноги не держат босые
путь бесконечен к жилью
не убивайте родные
просто примите в семью

если же чем виноватый
дайте спокойно уйти
не убивайте солдата
этим его не спасти

«Мой странный век, живущий впопыхах...»

Мой странный век, живущий впопыхах,
с антеннами порезов на руках —
сиротское наследство восковое.
Кормилица и плачет, и поет,
и водку пьет, но это все пройдет.
Дай различить, что тут еще живое.

Как обустроить ветхое жильё?
Опять тряпье, дрекольё и ворье,
и улица – как площадь вечевая.
Выходишь утром – бьется под рукой,
не заглушить ни криком, ни тоской,
а молчаливым стол не накрывают.

Как прорастает кожа в орденах
покойники вещают на стенах,
и дурачье внимает неустанно.
Помазанник, усатый и слепой,
безумный голубь бьется над толпой,
и сладкий дым плывет из Туркестана.

*

Не может быть, мы что-то пропустили,
когда красиво ели, тяжело пили,
вповалку спали, яростно дыша.
Держали время, и оно не сбилось.
Чуть-чуть поистаскалось, изнашилось —
чесотка, золотуха и парша.

Мордасти-страсти, гусли расписные,
и ездвые заднеприводные,
наддай, судьба, поддай еще парку!
Качается треска в текучем дыме,
горчит еда, и водка молча стынет,
и каменеют кони на скаку.

Вот мальчишки, готовые на завтрак,
с кольцом в носу идущие на запах —
отечество и поит, и палит.
Туда дрова, обратно только дроги.
Слепой ведет безруких и безногих
и глаукомным оком шевелит.

«волшебное чудо-юдо...»

волшебное чудо-юдо
непривычное среди зимы
пялится с каждой страницы
с наших газетных прилавков

он выловлен в красном море
подвешен за влажный рот
он рыба-кит рыба-щит-и-меч
серп и молот огонь и лед

он почти как подводная лодка
нарушившая закон
в нейтральных водах бившая
полосатым хвостом

все источники сходятся на одном
увидев его каменели
свидетели и из этих свидетелей
не вытащить больше ни слова

а еще говорили тонконогий смерч
ходил по воде поутру
поедая холодные воды
и это тоже был он

одни говорили что это
означает конец времен
другие – грядет холодное лето
а третьи что будет война

прости нас странная рыба
прости нам наше невежество
мы готовы верить любому
принесшему весть о знамении
нам все равно что ты рыба
будь рыбой будь трижды рыбой
будь нашей рыбой надежды
сделай хоть что-нибудь

«небо знаменьями полно...»

небо знаменьями полно
люди внизу как в огне
не растворяется полночь
затвердевает во сне

нет инструмента разрушить
смерзшийся кокон пустой
черной границей по суше
бритвой морской налитой

спит безмятежное племя
тихо в безумном краю
ангелы дремлют над теми
кто на учете в раю

мечутся сонные птахи
падает пыль с одеял
кто-то проснется на плахе
даже не вспомнит что спал

тлеют бескровные лица
звездные тают огни
спи ничего не случится
спи моя радость усни

«КТО ВЫШЕЛ ИЗ ЭТОЙ ШИНЕЛИ...»

кто вышел из этой шинели
тот вечный должник у зимы
такие большие качели
такие ничтожные мы
на ветхом шестке осторожном
бочком да сверчком да молчком
в посуде угрюмой порожней
истекшей густым молоком
в запечье угрюмом и пряном
в чулане где стынет еда
за веником вытертым банным
нас всех сохранит от суда
ничто никогда не случится
и точно не будет войны
зажмурься сильнее – и птицы
и даже они не страшны

Гимн провинциалу

«...не убоюсь ни пафоса, ни крови:
вторична ложь, все остальное внове».

Провинциал достал чернил и плачет.
Над ним закат отравленный маячит,
над ним шумит вселенская вражда.
Его томят предчувствия и страхи,
и кровь горит и тает на рубахе —
пылающая едкая вода.

Пророчество клокочет у гортани,
простынный морок душит мирозданье,
горчичный пластырь мучает и жжет.
В предсердии клубится умиранье,
глаза белы, и яд течет по ране.

И сестры вяжут, и зверье снует.

И мир горяч, и выждать не дает.

**«КОГДА ОНА СПУСТИЛАСЬ СВЕРХУ
СЛОВНО ОГНЕННЫЙ ШАР КРАСНА...»**

когда она спустилась сверху словно огненный шар красна
ткань небес разошлась по шву это лопнула тишина
все рассыпалось пылью и свет пропал навсегда
и огонь превратился в воду и пламенем стала вода
и побежали крича не веря своим ногам
забывая дышать не думая смерть врагам
огонь насквозь продувал их тела и таяли эти тела
и ветер не знал куда дуть и тоже сгорел дотла

«Он давно вернулся с войны...»

Он давно вернулся с войны
И думать забыл где война
И растут-вырастают его сыны
И дочь подрастает одна

И все хорошо и густеет туман
Вечерами в полях внизу
И тимьян цветет и растет бадьян
И роса дрожит на весу

И смородина яхонтом светит с куста
И дожди обильны как снедь
И закат каждый день в четыре пласта
И река под закатом медь

А под вечер огурчики хлеб вино
Телевизор во тьме слюда
Только к ночи одно и то же кино
И не выйти уже никуда

Снова дом его полон людьми и зверьем
И безглазо чернеет лицо
За толпой не видать где стена где проем
Разомкнуть не выходит кольцо

И с чего-то не вскрикнуть томит тишина
Что там дети цела ли семья
Отпустите простите моя ли вина
Не моя не моя не моя

Ты давно уж свободен отпущен прощен
Уходи говорят уходи
Не уйти не вернулось сердце еще
И дыра холодеет в груди

Дети надежды

«Мы в прошлом, дети надежды...»

Мы в прошлом, дети надежды,
воспитанные тишиной,
шнурки вдевавшие в небо,
простреленное страной.

На наших синих пилотках
артековская война,
застывшие слезы в горле —
у вечного огня.

Мы в прошлом, прошлые внуки,
забывшие быть начеку,
нам горнов рассыпаны звуки
по черствому куску.

Я чибиса-птицу не помню,
а мальчик сказал – навсегда.
Мой ранец бедой переполнен,
но наш паровоз – не беда.

Какие мы выросли злые,
откормленные на убой!
А те что летели, уплыли
в осенней дали голубой

«Есть музыка...»

Есть музыка,
после которой уже нельзя оставаться таким,
как был.

Но человеческая душа – каучук,
вот отпустил последний звук,
замер, остыл —
и все вернулось к исходной точке.

«Все вспоминают, и я помню...»

Все вспоминают, и я помню,
что держала на руках крохотного сына,
и качала его, и плакала над ним,
потому что боялась, что и ему достанется война,
вдруг переставшая быть просто словом.

«Какой-то человек шел по улице и вдруг услышал себя...»

Какой-то человек шел по улице и вдруг услышал себя:
Готов ли ты быть тем самым, которого выбирает судьба?
Чтобы, например, все бросить, всем рискнуть,
и все поставить на кон,
А тебя соответственно могут на щит и на кол?

Человек остановился, поправил фуражку, зачем-то взглянул
на часы.

Вокруг была ранняя осень средней полосы.
Ничего не предвещало перемен или тяжелых годов.
По всему выходило, что не готов.

Ни тебе плащей, отравленных кровью, ни пророческих слов
во тьме,
Ни горлиц, торопливо кукующих, ни флагов на корме,
Ни перечня, что в дорогу, ни дальних берегов.
Ни друзей, ни врагов.

И пока он думал, облетала листва, наотмашь билась о плащ.
И кем будешь призван, неясно, жертва или палач.
Буду ли я носить оковы или ковать оковы?
А тот, кто задал вопрос, уже вопрошал другого.

«умереть не страшно...»

умереть не страшно
стоишь у окна а вечер сочный и чистый
всеобъемлющий
бесконечен
продлен во вчера
протянут в завтра
умрешь а он останется
такой же ясный густой свежий
в колыпании планет
в запахе трав

как хорошо что и без меня

«Вот эти, которые пели и голову прямо несли...»

Вот эти, которые пели и голову прямо несли,
над ними сыпучие ели и высохшие корабли.
Нас сколько? Нисколько. За этим столом, за которым и ты,
лишь тени бросают на ветер слова огневой пустоты.

Их числят в полках как героев, слагают о них ерунду.
Их пятеро было. Нет, трое – еще в позапрошлом году.
Их кто-то тропой партизанской увел в поднебесную высь.
А мы кто? А мы самозванцы. И мы никому не сдались.

«вопреки поляне райской, краю леса вопреки...»

вопреки поляне райской, краю леса вопреки
я смотрю не отрываясь в жизни острые зрачки.
кто умеет неотрывней – умирят сердца звон,
дышит кожей по-рыбы, останавливает сон.

в ком живее всех микробов ток волшебный огневой,
в ком осталось что-то кроме вечной боли раневой —
тот другого пересмотрит, доберется до утра,
перейдет любое море, сбережется от костра,

вытрет лоб победный мокрый, оглядит миры легко:
что еще не скрыто мором, гладом, медом с молоком?
что еще живое плещет, не исчезло до конца,
где еще остались вещи, кости с толикой мяса?

где же вольная поляна, где победный гулкий зов?
почему сплошная рана посреди былых лесов?
что за страшная победа, кто тут прав, кто виноват?
и зачем повсюду следом неотрывный чей-то взгляд?

«еще блестит начищенная пряжка...»

еще блестит начищенная пряжка
и мотыльки садятся на мундир
складные словно книжки наградные
еще горит румянец под фуражкой
от залпов салютующих мортир

Война закончится и спишет все долги.
Мы заживем как други, не враги,
Обнимемся по-братски крепко-крепко,
Единым камнем станем, или слепком,
Единым, чтоб ни трещин, ни следа,
Как памятник погибшим в те года.

«Нас объединяют мертвые, мы...»

Нас объединяют мертвые, мы
разрозненные, мерзнем на этой земле,
а они все вместе – в облет зимы
на своем единственном корабле.
Мы все думаем, что они вверху
или внизу, а они везде —
время, изъеденное в труху,
черным и жирным лежит в борозде.

Наши мертвые снятся нам
телами, сплетающимися в пыли,
как травы, подобные письмам,
каждый год выползающие из земли.
Мы их, не читая, закапываем назад.
Что там было написано: вы не одни?
Любите друг друга? Посмотрите в глаза?
Нет, чтобы просто сказать, что за.
Или против.
Но они немые.
И мы – не они.

«НОЧЬЮ ВДРУГ ПОНЯЛА...»

ночью вдруг поняла
что давно не интересовалась папиной жизнью
ничего о нем не знаю
что у него за дела
как он там

проснулась и вспомнила
что папа умер много лет назад

лучше вечно быть неблагодарной
чем заново проснуться сиротой

«я люблю любимую страну...»

я люблю любимую страну
я ее и славлю и клян
там береза бьется и бормочет
отщепенца знать давно не хочет
бестолку отрезанный ломоть
наша кровь а это ваша плоть
тот не тот не сосчитать укору
вот твои вселенские заборы
хороните там где я умру
все чужое в памяти сотру

«Все пропитано ибупрофеном...»

Все пропитано ибупрофеном,
Черной дрожью проходит насквозь,
Растекается густо по венам —
С белым телом и разумом врозь.
Заклинаний бессонные знаки —
Исходящее эхо земли:
Только ты не боли у собаки,
И у кошки моей не боли.

«Микроскоп человеческих судеб...»

Микроскоп человеческих судеб,
телескоп планетарных идей —
что там в фокусе, граждане судьи,
не считая слезинок детей?

Все ли видно в прицел окуляра?
Не пропустит ли глаз пустяка?
Невеликого вроде пожара,
не заметного сверху стрелка?

Или вдруг желторотый солдатик
в неподшитом подворотничке
за такую небрежность заплатит
на расстрелянном грузовике?

И прислушаться страшно – не дышит,
и не видит, и смотрит во тьму.
Что отныне даровано свыше?
Есть ли там утешенье кому?

Будто улицы снегом одеты,
будто ветер свистит меж ключиц.
– Где страна моя, родина, где ты?
У каких ты воюешь границ?

И читать-то почти не умея,
разберет на воротах ответ:
Нет ни элина, ни иудея,
никого нет – и элина нет...

«Нет, не дели нас на чистых и не...»

Нет, не дели нас на чистых и не-,
все мы младенцы безумного града —
веруем слабо и слабых едим.

Ты не смотри на ночные миры
и на дневные пустые дозоры,
все мы не там, а внутри, — там где дети
наших детей начинают полет.

В каждом остаток из соли и льда,
вытопить малое – вылить большое.
В очередь, в очередь, сукины дети,
смерть лишь одна, никому не успеть.

Ты погляди – мы стоим пред тобой
вечные, чистые, только пустые,
ты нас наполни водой и землей,
много нас, много, а лучших не выбрать,
все мы бездонны и плачем навзрыд.

Невидимые вещи

«Язык – это средство коммуникации...»

Язык – это средство коммуникации.

Что говорит тобой, когда ты говоришь на своем языке?

Вот мое время,

тикающее у меня на языке.

Когда я говорю на моем языке,

мои белые лилии, тускло светясь, вырастают

на моем языке.

И твои пилигримы бредут твоим языком, собирая

оконный свет,

и оконный свет бел и желт, он тает на моем языке.

И мои барханы, влажные, пляшут у меня на языке

тенями людей, бредущих почти налегке;

ворсистое море горячего воздуха

растворяется на моем языке.

Малые дети молчат на моем языке,

белые трубы извергают тьму на моем языке.

Но почему это небо, которое там вдалеке,

оно по-прежнему ясное только на моем языке,

я не слышу других слов, у меня на языке

мой язык, заплутавший в моем языке.

«Под вечер электрик приходит туда...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.